

Боева Елена Дмитриевна

АГРАММАТИЗМ КИНЕСИКИ: АРГУМЕНТЫ "ЗА" И "ПРОТИВ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/7.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 26-28. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Соматизмы, кинесика представляют собой необходимый компонент художественного текста еще и потому, что возможно выделить несколько групп, разновидностей этих единиц относительно межнационального общения. Во-первых, есть кинемы, одинаково понимаемые представителями людей практически всего мира. Во-вторых, специфические, характерные только для какой-то одной нации, народа и непонятные для всех остальных. В-третьих, ряд кинем может пониматься по-разному людьми разных национальностей, причем они могут интерпретироваться не только как знаки с различным смыслом, но и с вариантами его оттенков, со специфическими коннотативными значениями [4, с. 212]. Так, в отношении сопоставления лингвистических и паралингвистических средств немецкого и русского языков, по наблюдениям А. Шенберг, такие императивные действия, как просьба и требование имеют наибольшие расхождения в субъективной оценке сообщений, поскольку имеют наибольшее число коннотативных значений в обоих языках. Интерпретация одного и того же сообщения, содержащего просьбу, для носителей немецкого языка содержала такие коннотативные значения, как извинение, привлечение внимания, для носителей же русского языка - упрямство, требование. Для последних просьба связано с большей настойчивостью, большим психологическим давлением, иногда категоричностью [9, с. 12].

Кинема всегда была и остается составной частью художественных текстов любого жанра и любой национальной принадлежности. Во многих случаях именно применение кинем позволяет автору выстроить структуру той или иной сцены, выявить скрытые смыслы высказываний и действий персонажей, подтексты их отношений, полнее раскрыть образ, характер и качества персонажа, наделить его самобытными чертами, вызвать у читателя определенное отношение к персонажам и к действию.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Боева Е. Д. Когнитивная паралингвистика. Анапа, 2005.
3. Вилсон Г., Макклаффин К. Язык жестов - путь к успеху. СПб., 2000.
4. Крейдлин Г. Е. Кинесика // Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. М.-Вена, 2001.
5. Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1996.
6. Потапова Р. К. Коннотативная паралингвистика. М., 1998.
7. Романов Д. А. Сигнификативное эмоциональное значение русских фразеологизмов // Роль языка и литературы в мировом сообществе. Тула, 2000.
8. Телия В. Н. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка. М., 1995.
9. Шенберг А. Лингвоконтрастивное исследование способов речевой манифестации категории императивности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.

УДК 81'367

Елена Дмитриевна Боева

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова (филиал в г. Анапе)

АГРАММАТИЗМ КИНЕСИКИ: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»[©]

Рассматривая круг проблем, связанных с функционированием кинесики, нельзя обойти вниманием вопрос о том, какие позиции может занимать кинема в синтаксической структуре речи. Интересно, хотя бы очень кратко, исследовать этот вопрос в аспекте диахронии.

Уже на заре развития кинесики как науки не было единого мнения относительно того, насколько оправдано рассматривать данные кинесики в терминах лингвистики. Первые кинесиологи, по-видимому, попросту не задумывались о сводимости/несводимости жестового знака к устной речи, тем более что первыми жестовое поведение начали исследовать люди, весьма далекие от филологии по роду своих занятий - священник Д. К. Лаватер, анатом, нейрофизиолог и хирург А. Чарльз Белл, философы Дж. Бонифацио и Фр. Бэкон, физиолог Ч. Дарвин. «Разные науки, прежде всего биология, антропология, психология, философия и социология, стремительно шли к многостороннему и тщательному анализу своего нового объекта - языка тела» [4, с. 226].

Практически сразу же сложился взгляд на кинесикку как на самостоятельную семиотическую, философскую и практическую структуру, своеобразную форму выражения психологических и социальных процессов - и только. Вскоре, впрочем, было замечено, что смысл, который несет с собою жест, вступает в сложные взаимоотношения с семантикой речевого высказывания. Несмотря на это, первые исследователи невербального поведения были убеждены в том, что жест и слово - понятия настолько далекие, что нет оснований рассматривать их в какой бы то ни было параллели.

Так, Р. Клайнпауль в монографии «Язык без слов» настаивает на несводимости жеста к устной речи; П. Олерон в работе «Изучение языка глухонемых» также доказывает, что «грамматические, синтаксические, и логические модели неприменимы к жестовости». Аналогичной позиции придерживается и А. Леруа-Гуран в работе «Жест и Слово».

Позже, однако, по мере накоплений знаний об исследуемой проблеме, некоторые авторитетные ученые заявили, что не исключают возможности использования кинесикой лингвистических моделей. Сознание необходимости включения в той или иной форме в сферу лингвистического исследования факторов, сопровождающих речь, в современном языкознании было сформулировано еще в 1967 году в «Тезисах Пражского лингвистического кружка». Ф. де Соссюр подчеркивает необходимость изучения языка в его взаимодействии с другими знаковыми системами: «--- все эти явления не только выступают в новом свете, но и прольют свет на лингвистические проблемы» [6, с. 55]. Несмотря на самостоятельный характер структуры и системной организации языка, полное изучение языка может быть достигнуто только при учете всех конкретных особенностей его функционирования, включая, прежде всего, использование параязыковых средств [3, с. 80]. «Паралингвистика должна быть наукой, ставящей себе задачу непосредственно лингвистического истолкования неязыковых факторов» [Там же, с. 220]. Е. Ф. Тарасов называет средства невербальной коммуникации «невербальными языками» и видит их значение для лингвистики еще и в том, что они, как правило, имеют устойчивые вербальные описания, составляющие разветвленный и обширный пласт языка [7]. И. Н. Горелов отмечает, что «аграмматизм невербального знака не лишает его возможности выполнения любой из определяемых языкознанием функций естественного языкового знака» [2, с. 25].

Обозначим собственную позицию: мы придерживаемся взгляда на кинесику прежде всего как на инструмент *производства смысла*; с этой точки зрения кинесика представляется важнейшей составляющей когнитологии. Такое свойство паралингвистического знака, как его способность в процессе коммуникации служить идентификатором порождения и восприятия смысла, позволяет перевести решение проблемы функционирования кинесики в когнитивную плоскость, где она может быть исследована с позиций когнитологии как науки о знаниях. По нашему мнению, когнитивный подход, позволяющий языковеду обращаться для объяснения интересующих его языковых фактов и явлений к недоступным непосредственному наблюдению ментальным категориям, вполне применим для исследования паралингвистики вообще и кинесики в частности. Нам импонирует взгляд на кинесику Ю. Кристевой, согласно которому кинесику следует рассматривать скорее в категориях философии (в связи с ее способностью создавать, «продуцировать» смысл) и в «категориях математики, связанных с понятием функции» [5, с. 120]. «... Наука о жесте, если она стремится внести свой вклад в общую семиотику, не должна обязательно придерживаться моделей, разработанных в лингвистике; она обязана выйти за ее пределы, расширить их...» [Там же, с. 122]. Представляется очевидным, таким образом, что кинесика обнаруживает несомненное «стремление к независимости от схем вербальной лингвистики» [Там же, с. 123]. Известно, однако, что всякое правило содержит исключение, наличие которого отнюдь не противоречит правилу, но лишь подтверждает его объективность. Решение исследуемого вопроса находится, очевидно, в той же плоскости.

Представляется очевидным, что «аграмматизм» кинесики весьма относителен, он не исключает наличия у кинетических средств некоторых характеристик языка, в частности, таких очевидных, как информативность, целенаправленность и мотивированность. Более того, вербализованные кинемы способны, по нашим наблюдениям, целиком заменять вербальное высказывание, т.е. стать эквивалентом фразы; занимать субъектные, предикативные, объектные, обстоятельственные и определительные позиции в синтаксической структуре высказывания; служить заполнителями пауз в высказывании; быть функционально адекватными глаголам в императиве. Рассмотрим эти формы более подробно. Иллюстративный материал, используемый в данной статье, приведен на 3-х языках - русском, французском и немецком, что продиктовано стремлением сублимировать универсализм описываемого феномена.

1) Жест - эквивалент **фразы**. Это случай, когда жест выступает в художественном тексте как самостоятельная реплика: *От нее пахло незнакомыми духами, в черных, гладких волосах блестела нитка жемчуга - женщина совсем из другой жизни, пронзительно красивая и эффектная. Только улыбка была по-прежнему застенчивая, этой улыбкой она как бы спрашивала его: нравится ли она ему и понимает ли, что она оделась так ради него* (А. Рыбаков. Дети Арбата).

В следующем примере роль жеста объясняется необходимостью смыслового восполнения текста, поскольку жест накладывается на высказывание, семантически неполное: *L'éveque ici frappa de sa crosse contre la terre et s'emporta. - Assez! Dit-il* (P. Vaillant-Couturier. La fete à Bethmale). - *Здесь священник вышел из себя. - Хватит! - сказал он, ударив своим посохом о землю.*

2) Жест-субъект занимает синтаксические позиции **подлежащего**, накладываясь либо на паузу, либо на текст. Жест-субъект - обычно указательный или изобразительный (дейктический). Включаясь в высказывание в качестве подлежащего, жест увеличивает как информативные, так и экспрессивные ресурсы фразы: - *Кто этот Сашка - бездарность? - осведомился врач. - А вот он, Рюхин! - ответил Иван и ткнул грязным пальцем в направлении Рюхина* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) = {Он - бездарность!}.

3) Жест в функции **сказуемого** предполагает два случая:

а) жест, заменяющий *глагольное* сказуемое: *Ce que c'était je croyait ne le comprendre que trop à voir passer et repasser sa petite main sous son menton. J'étais tenté de croire qu'il s'agissait d'une gorge à couper, et j'avais quelques soupçons que cette gorge ne fut la mienne* (Р. Мэриме. Кармен). - Мне даже показалось, что я понимаю, о чем речь, видя, как она **быстро проводит своей маленькой ручкой у себя под подбородком. Речь, видимо, шла о том, чтобы перерезать чью-то глотку**, и я сильно подозревал, что эта глотка - моя = {Ты должен перерезать ему глотку};

б) жест, заменяющий *именное* сказуемое: - *Каким вы молодчиком!* - прибавила она с улыбкой, оглядывая мое новое платье. - *Замечание это заставило меня покраснеть; я перевернулся на одной ножке, щелкнул пальцами и припрыгнул, желая ей этим дать почувствовать*, что она еще не знает хорошенько, *какой я действительно молодчик* (Л. Н. Толстой. Детство. Отрочество. Юность) = {Я - молодчик!}.

4) Жест, выполняющий функцию прямого/косвенного **дополнения** - дейктический или регулятивный жест, он чаще всего заменяет слово, называющее предмет: *Он потянулся налить себе воды с графина - но графин оказался пустой. Тогда он кивнул соседу, чтобы передали ему графин с того конца стола* (А. Солженицын. Раковый корпус) = {Передай мне графин}.

5) Жест в функции **обстоятельства** привлекает внимание коммуниканта к какому-то участку пространства, т.е. содержит локальную информацию, которую ближе всего можно сопоставить в языке со значением обстоятельства места. Местоимения (там, здесь, сюда и др.) вносят языковую дифференциацию в нерасчлененную информацию, которую передает жест (обычно дейктический): *Откуда ты родом? - Из города Гамалы, - ответил арестант, головой показывая, что там, где-то далеко, направо от него, на Севере, есть город Гамала* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) = {Город Гамала - там}.

В следующем текстовом фрагменте жест семантически эквивалентен обстоятельству образа действия; фиксированное означаемое жеста выявляется в конкретном коммуникативном контексте, что позволяет разграничить тонкие семантические оттенки: *Il fit signe à Maigret de s'approcher sans bruit et, avec des mouvements d'une incroyable douceur, il fit tourner la clé, entr'ouvrit la porte* (G. Simenon. Maigret se fache). - Он сделал знак Мегре, чтобы тот **бесшумно** подошел и, с невероятной осторожностью повернув ключ, **приоткрыл дверь** = {Подойдите бесшумно!}.

6) Жест в функции **определения** - как правило, указательный жест, сопровождаемый указательным местоимением, уточняющим, что говорящий имеет в виду тот или иной признак предмета (цвет, форму и т.д.); объектом изображения бывает конкретный предмет с его индивидуальными свойствами: - *Приличная женщина этого - Людмила Павловна сурово указала на Леночкину юбку - не наденет!* (Б. Васильев. Жила-была Клабочка) = {Не наденет такую короткую/узкую юбку}.

7) Жест в функции **глагола в императиве**: *Die drei Italiener wollten schon wieder loslegen. D'Anjou verwies sie zur Ruhe* (Н. Манн. Henri IV. Jugend). - *Три итальянца собрались было снова пуститься в рассуждения, но Анжуйский знаком приказал им замолчать* = {Замолчите!}.

8) Особый случай представляет собой жестовое заполнение **паузы**, возникающей в связи с поиском подходящего слова, когда применяется поисковый жест - пощелкивание пальцами, постукивание по столу: - *Она жила с другим человеком, и я там тогда... с этой, как ее... - С кем? - спросил Бездомный. - С этой... ну... с этой, ну... - ответил гость и защелкал пальцами. - Вы были женаты? - Ну да, вот же я и целкаю. На этой... Вареньке... Манечке... нет, Вареньке... еще платье полосатое... музей... впрочем, я не помню* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Исследованный практический материал дает основания полагать, что между лингвистическими и паралингвистическими элементами, сопровождающими или заменяющими речь, могут быть, в рамках одного языка, отношения структурных соответствий и функциональной синонимии. Помимо таких явно лингвистических признаков, как информативность, целенаправленность и мотивированность, кинетические средства обладают, очевидно, еще и некоторой структурностью, аналогичной грамматической. Они содержат определенную совокупность кинем, которые представляют собой инвентарь кинесического языка (аналог лексики языка вербального); использование их в коммуникации и художественном тексте подчинено несомненной внутренней логике, правилам сочетания друг с другом, редукции, усиления, включения в речевую ситуацию (аналог грамматики).

Список литературы

1. Боева Е. Д. Когнитивная паралингвистика. Анапа, 2005.
2. Горелов И. Н., Енгальчев В. Ф. Безмолвной мысли знак: рассказы о невербальной коммуникации. М., 1991.
3. Колшанский Г. В. Паралингвистика. М., 1975.
4. Крейдлин Г. Е. Кинесика // Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. М.-Вена, 2001.
5. Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? // Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004.
6. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.
7. Тарасов Е. Ф. Социологические аспекты речевого общения. М., 1993.
8. Kleinpaul R. Sprache ohne Worte. Leipzig, 1884.
9. Leroi-Gouran A. Le geste et la parole. P.: Album Michel, 1974.
10. Oleron P. Etudes sur le langage des sourds-muets // Année psychologique. 1952. T. 52.